

ТЕАТР

З. ПОКОВА (Ирина), З. ШАРКО (Ольга), Т. ДОРОНИНА (Маша) в спектакле «Три сестры».

Фото В. ГАБАЯ

дают человек и человечность, но как дорого дается героям их нравственная победа!

Все главные действующие лица драмы Чехова обретают себя самих, смысл своего бытия ценой неизмеримых страданий и усилий. И в конце концов, кроме Андрея, опускающегося на дно обыващины с открытыми, страдающими глазами, кроме давно погибшего духовно Чебутыкина (Н. Трофимова) и одинокого, страшного и жалкого Соленого, которого удивительно понял и показал К. Лавров как жертву собственного юродства, терзаемого добровольно надетой личиной злобствующего бреттера, расстаться с которой он уже не в силах, — все они, в чем-то близкие, в чем-то разобщенные, соединяются духовно в трудном, трагическом поиске своего места в жизни. Все они находят силы преодолеть собственное бессилие и отчаяние, терпимость к злу и простую человеческую усталость, и все приходят к другим людям с желанием посвятить им свой труд, а если понадобится — и всю жизнь... Без этой последней победы нравственное становление героев Чехова было бы для нас сегодня менее дорогим, менее значимым.

Конечно, не из соображений хронометража Товстоногов отказался от антракта между первым действием, самым радостным и безмятежным по настроению, и вторым, которое своим образным строем жестко и резко разрушает светлую, обнадёживающую атмосферу, созданную режиссером и исполнителями в предыдущем акте. Очень точно понято и передано художником спектакля С. Юнович своеобразие товстоноговского трагического видения жизни, нарисованной Чеховым. Даже в первом акте, полном весеннего воздуха, нет у нее прямого источника света — словно из пустоты возникают жемчужные контуры берега, и не солнце, а солнечный зайчик дрожит на единственной колонне гостиной, контуры которой, тоже чуть обозначенные, теряются в дымчато-светлых завесах... И как больно ощущается контраст между этим нежно трепещущим, словно вода в хрустальном бокале, освещением и полным шевелящимся теней мраком второго акта... Только когда приваляется тень мрак одиночества, начинаешь различать, что перед тобой — та же комната, те же предметы и вещи, но все померкшее, будто ставшее враждебным обитателям дома.

Новый хозяин поселился здесь, и неважно, что он персонифицирован в облике маленькой кокетливой и неуемой лирикерки Наташи, которую играет Л. Макарова. Отлично показывает артистка, как воинствующая по-

ничего общего с потерей веры в необходимость деятельной жизни для людей... Именно эта тема становится основой в пленительном, хрупком и упорном, поразительно женственном образе, созданном Э. Поповой. В ее Ирине живут незамутненная чистота и глубокий интерес к жизни, которые то прорываются наивным детским вопросом, то дески горькими слезами, а в финале — твердым, суровым решением отдать всю жизнь тем, кому она может быть нужна... Пусть разбита жизнь Маша, в которой Т. Доронина стремится показать не только прекрасную женщину, созданную для радости и страсти, но человека, деленного независимым умом и тонким пониманием людей, протестом против прописной коды морали, — словом, человека, стоящего интеллектуально на той же высоте, что и Тузенбах, и Вершинин. С каким отравлением и иронией рассматривает она безвкусное кондитерское сооружение, присланное Протопоповым, как твердо звучит ее голос, когда она говорит о том, что составляет для нее смысл человеческой жизни, и верится, что это непреклонное желание узнать «для чего журавли летят, для чего дети рождаются, для чего звезды на небе... для чего живешь», сохранится в ней навсегда...

Жив дух героев, живы их человеческие личности, хляти каждому из них достается своя голгофа.

Для Тузенбаха, каким его тонко и сосредоточенно играет С. Юрский, жизнь, полная тайн и неразрешенных вопросов, значительна и прекрасна. И он, и Вершинин (Е. Копелян), мягкий, полный неброского, скромного обаяния, составляя единый, по-чеховски благородный дуэт, несмотря на то, что не во всем они согласны друг с другом, не всегда их мысли созвучны. И они оба, и вообще все герои этого спектакля несут трепетно, одухотворенно свою сложную человеческую тему, доносят тончайшие оттенки чеховского подтекста, и в общем неуверенной и даже лишней оказывается та «машинерия», те фуры, которые время от времени вывозят героев на авансцену. И без этого духовная их общность и естественная в иные минуты разобщенность раскрываются в точно продуманном и симфонически звучащем спектакле. Так на фоне отдельных судеб, разных и непохожих, вырисовывается постепено облик русской интеллигенции, значительность ее непрекращающихся поисков своего предназначения, своего места в жизни.

Всем строем, всеми образными средствами постановки — слегка замедленным ритмом, пластическими мизансценами, рождающимися как бы изнутри, а на деле выверенными и точными, — Товстоногов подводит зрителя к пониманию того, каким общественным преступлением является стремление мешаества подменить себе эту ширь, этот духовный размах; эту трагическую потенцию людей, как много человеческих, творческих возможностей заложено в этих героях — и центральных, и второстепенных. Вот почему режиссура внимательна к ролям, которые как будто являются эпизодическими. И право же, оба подпоручика, сыгравшие с огромной искренностью М. Волковым и Г. Штилем, и старуха нянька (Л. Волынская), и ушедший в одиночку умный старческий человек Ферапонт (Б. Рыжухин) — все они «ведут» партию с подлинным ощущением важности своих персонажей в общем потоке изображаемой жизни.

А жизнь между тем не просто печальна, и грустна, и беспощадна — она одновременно высока и прекрасна благодаря рыцарям, сумевшим сохранить человечность в античеловеческом мире. Вот почему в финале этого спектакля нет мрачной безысходности, но нет и той ясности, той гармонии, которыми был полон финал в последней постановке Немировича-Данченко. В спектакле Товстоногова или Ленинградцев герои тоже устремлены вперед, тоже видят будущую жизнь, но глазами, полными скорби и еще непережитого горя...

Воткнули, все в этой сцене дышит осенью — и люди, и березы сада с их черными тенями, небо, словно серый свод, возвышающееся над домом, над кованой калиткой с цементными столбиками, напоминающими кладбищенскую ограду, — поразительная по настроению деталь, найденная художницей С. Юнович! Будто захваченные непогодой перелетные птицы, сидят, тесно прижавшись друг к другу друзья, растапливаясь навеки. И все же в беспощадном свете этого бессолнечного дня, в высоком холодном небе есть ощущение возможности выхода из замкнутого, враждебного людям бытия — именно в этом заключается оптимизм товстоноговского прочтения Чехова.

Эта борьба героев, рожденных новым спектаклем, — людей, избранных, но не избранных жизнью, их вера в то, что счастье и мир наступят на земле, близки нам сегодня так же, как оказался близким сегодняшнему Чехову суровый, предельно лаконичный, выразительный язык спектакля, его режиссерское и декоративное решение, его актерские работы.

ЛЕНИНГРАД

А ВПЕРЕДИ — ЖИЗНЬ...

Е. СТРОНСКАЯ

После триумфа чеховской драматургии, открытой Московским Художественным театром в начале века, любому театру и любому режиссеру при обращении к Чехову сегодня требуется не только много творческой смелости, но непременно свое собственное видение автора, его героев и его времени. Искусство вообще не любит повторений, а верное понимание прошлой эпохи может родиться (пусть это не покажется парадоксом) только у художников, тонко чувствующих и знающих свое время — не прошедшее, а настоящее.

Особенно много мужества, быть может, нужно современному режиссеру в работе над «Тремя сестрами» — пьесой, дважды рожденной на сцене МХАТа: в начале и в 40-х годах нашего века. Каждая из этих постановок стала для своего времени образцом сценического прочтения, и если о первой мы знаем как бы отраженно, — словно крупю по воде, дошли до нас взыскательные впечатления и переживания очевидцев, — то последнюю постановку Вл. И. Немировича-Данченко, глубоко оптимистическую и поэтическую, видели многие современники и по сегодняшнему дню сохранили память о его поразительно смелом, новом решении Чехова.

Тем труднее было Г. Товстоногову и коллективу Академического большого драматического театра имени М. Горького доказать право на свое, сегодняшнее прочтение «Трех сестер». Удаляясь в трудную задачу по тому, что, показывая прошедшее, постановщик сумел взглянуть на него взором современника, знающего, что именно из прошлого способно оставить безучастными нас сегодня и что должно отозваться в наших сердцах с удвоенной, утренней силой.

В центре товстоноговского спектакля, как и в предыдущих мхатовских постановках, оказалась прекрасная мечта людей о будущем. И здесь в конце концов побед-

лель, вселенское мешаество сначала «тихой сапой», затем без забрала завоевывают позиции...

Не верится, что грустный, бевольно ослепший в кресле человек с тоскливым, потухшим взглядом — тот талантливый, изысканный, полный радости бытия Андрей, который так возбужденно и молодо шептал слова любви Наталье (его с глубоким волнением играет О. Васильева).

Еще менее верится, что в этой самой комнате недавно звенел смех, парило тонкое и сердечное веселье, звучало вечно бодрый мотив «Гаудеамуса», «запевалой» которого — да, да, не удивляйтесь — становится в спектакле Кулыгин в блестящем, артистичном и необыкновенно теплом исполнении В. Стрельчика. Его герой — честный, добрый, хотя и бесконечно ограниченный труженик, в котором наряду с воспоминаниями о голодной, чистой студенческой юности уживаются добросовестное познание начальства, наивное довольство собой, своим обедом и женой... Пережитая им катастрофа впервые вырывает этого человечка из привычного, скудного круга мыслей, заставляет задуматься о сложности жизненных человеческих дорог, так глубоко задуматься, что в финале он позабудет бережно хранимую им respectability и застынет в нелепой скрюченной позе, в шутковской маске, отобранной у озорника-гимназиста...

Весь спектакль, все его решение строится на подобных драматических контрастах, заданных режиссурой. Кажется, после второго действия мрак и тень должны еще более углубиться, еще неуловимее, еще больнее должно давить бытие на героев, раздвинуть их физически. Но в самом сумраке и зыбкости жизни, раскрытой спектаклем горьковцев, как бы заключается зародыш будущего света.

Пусть утомлена до предела Ольга в исполнении З. Шарко, нарисованной характер деликатный и твердый, легко ранимый и волевой в то же время... Пусть горько разочарована в жизни и работе Ирина — это разочарование в труде без поэзии, без мысли не имеет